

Зимой 1924 года Ласкер приехал на гастроли в Советский Союз. Вот как его приветствовал «Шахматный листок»:

Привет величайшему шахматному мыслителю Эмануилу Ласкеру, первому заграничному гостю в шахматной семье СССР!

В Ленинграде экс-чемпион мира за шесть дней сыграл несколько партий с сильнейшими шахматистами города (П. Романовским – дважды, Г. Левенфишем и И. Рабиновичем) и дал два сеанса одновременной игры. За несколько месяцев до этого я только научился играть в шахматы, но попросил у мамы денег, чтобы купить билетик, и отправился посмотреть на знаменитого шахматиста в действии.

Зрелище было для меня необычным: 55-летний Ласкер медленно передвигался внутри квадрата, образованного шахматными столиками. Он играл как белыми, так и черными (ему это было безразлично!). Я знал многих из его противников. За исключением нескольких мастеров, все сильнейшие шахматисты Ленинграда пришли встретиться за доской с великим маэстро.

Я не мог, конечно, припомнить точный результат сеанса, но твердо знал, что он был отличным (впрочем, заглянув в старые журналы можно установить, что в двух ленинградских сеансах Ласкер выиграл 23 партии, сделал 13 ничьих и лишь в 4 встречах потерпел поражение, в том числе от Я. Рохлина). Игра развивалась очень медленно, и я покинул зал что-то после первых 15 ходов, так как школьнику уже пора было спать...

Мы встретились с Ласкером 11 лет спустя, после моего фиаско на международном турнире в Гастингсе 1934/35 года. Председатель Всесоюзной шахматной секции соратник Ленина Николай Васильевич Крыленко поручил С. Вайнштейну, который ездил со мной в Гастингс, уговорить Ласкера принять участие в Московском международном турнире 1935 года. Я же помогал Вайнштейну найти экс-чемпиона мира в Лондоне.

Наш шофер долго изучал карту английской столицы, прежде чем нашел улицу, на которой жил Ласкер. Затем мы долго колесили по Лондону, пока не попали в район города, застроенный двухэтажными красными кирпичными домиками, похожими один на другой как две капли воды.

Наконец мы у дома, который так долго искали. Нас провели в гостиную, где у камина сидели три весьма пожилые леди. Вместе им было, наверное, не менее 200 лет (что сейчас мне уже не показалось бы столь необычным). Через несколько минут после нашего прихода Ласкер спустился вниз. Он выглядел чрезвычайно дряхлым, движения его были замедленными.

Великий шахматист жил не на широкую ногу – скромным был пансион, где он квартировался. Гитлер уже пришел к власти, и Ласкер покинул родную Германию.

– Как прошел турнир в Гастингсе? – спросил меня экс-чемпион. Я начал рассказывать ему о моей неудаче.

– А когда вы приехали на турнир? – тут же последовал второй вопрос.

Как только я объяснил, что прибыл в Гастингс за два часа до начала первого тура, Ласкер закивал головой (показывая, что ему сразу все стало понятно) и добавил, что мне следовало бы приехать по крайней мере на десять дней раньше, чтобы хорошенько акклиматизироваться. В дальнейшем я всегда старался следовать его совету, хотя, увы, иногда это было невозможно.

Ласкер не скрывал своего удовольствия по поводу приглашения на московский турнир. Вскоре он приехал в советскую столицу вместе со своей женой Мартой.

Турнир вызвал огромный интерес. В первый день собралось примерно 5000 человек. Играли мы среди скульптур Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина).

Вечером, после игры, молодые участники турнира всегда приходили в ресторан отеля «Националь», в котором мы жили, зачастую показывали свои партии Ласкеру и Капабланке. Однажды, когда я позволил себе решительно отвергнуть какой-то ход, Ласкер, к моему удивлению, не согласился. Он защищал позицию, которая, как мне казалось, была безнадежной. Но я не мог доказать, что положение действительно проигранное.

Это было характерно для Ласкера, верившего в себя, в свой здравый смысл. Я, например, нередко находился под влиянием высказываний, мнений других мастеров, а он не обращал на это никакого внимания. Он словно был защищен от какого-либо воздействия. Будь это в анализе или во время турнирной партии, Ласкер неизменно спокойно изучал позицию (неважно, какая она была), принимал решение и делал ход. В труднейших положениях он терпеливо ждал как бы находясь в засаде, что противник наконец допустит ошибку.

Это был последний турнир, в котором Ласкер играл хорошо. Год спустя, снова в Москве, а затем в Ноттингеме, счастье ему уже изменило (а возможно ли было надеяться на успех на 68-м году жизни?). На этих турнирах Ласкер выступал уже как представитель Советского Союза (в 1935 году он переехал на жительство в Москву). Позднее он поехал с женой в Нью-Йорк, чтобы повидаться с ее дочерью, но так там и остался.

Многие, наверное, читали предисловие Альберта Эйнштейна к книге Й. Ханнака о Ласкере. Великий физик был поражен тем фактом, что такой выдающийся шахматист не любил шахматы. Я думаю, что Ласкер «подвел» Эйнштейна. Возможно, Ласкер был полон горечи в связи с тем, что на склоне лет ему трудно пришлось в жизни, и, встречаясь в ту пору с Эйнштейном, не мог сдерживать своих чувств. Во всяком случае, когда я общался с Ласкером, то чувствовал – его настоящая жизнь заключалась в шахматной игре.

Трудно переоценить значение Эмануила Ласкера для развития шахматной культуры, хотя, может быть, его вклад в теорию шахмат не был столь весомым, как у его предшественника. Велика роль Ласкера в деле общественного признания шахмат, сознания их полезности («Шахматная игра облегчает нам жизненную борьбу», – говорил он). В частности, он боролся и за установление справедливого порядка в шахматном мире. Вот, например, что было сказано им в брошюре «Мой матч с Капабланкой»:

«... Шахматный мир слишком легко относился к своим обязанностям... среди шахматистов установилось мнение, что таких обязанностей вообще не существует. Когда какой-нибудь талантливый игрок возносится до небес, неудивительно, что он отдается игре и видит в том свое призвание. Это очень нравится шахматному миру, а молодой человек находит удовлетворение в лести и похвалах. Но позже, когда он становится зависимым от шахмат, некуда уже обращаться, и быстро наступают нищета и разочарование. И это лежит на совести шахматного мира.

Конечно, мне возразят, что шахматы не могут быть профессией но миллионам шахматистов, разыгрывающим опубликованные партии маэстро, учась на них и получая духовное наслаждение, не следовало бы держаться такой точки зрения. Опираясь на подобные аргументы, музыкальный мир мог бы лишиться куса хлеба... талантливых музыкантов, что, конечно, было бы явной несправедливостью. *Только те, кто всецело посвящает себя определенному делу, могут дать что-нибудь великое в этой области* (выделено мной – М.Б.).

В шахматной деятельности Ласкера неразрывно соединились и спортивное (результат партии), и творческое (содержание партии) начала. Он расценивал шахматы как полноправную область творческой деятельности человека. Отсюда он пришел к выводу о необходимости введения авторского права мастеров на текст сыгранных ими партий. Он писал, что шахматная партия является «продуктом творчества двух больших личностей». Путем долгих переговоров с Капабланкой Ласкер добился соглашения о том, что партии матча останутся их собственностью, но условие это не было соблюдено.

Многое изменилось со времен Ласкера, но тот факт, что поставленные им проблемы актуальны и ныне (хотя не решены и по сей день), свидетельствует о проницательности большого шахматного мыслителя.

Предисловие к учебнику

Когда Ласкеру было 26 лет, он победил Стейница (первый чемпион был на 32 года старше) и стал чемпионом мира. В 53 года проиграл матч Капабланке (тот был на 20 лет моложе). Никто не владел так долго шахматной короной (27 лет!), и вряд ли кому-либо удастся превзойти это достижение.

Еще на протяжении 14 лет после проигрыша Капабланке Ласкер с блеском выступал на турнирах. Последний его успех – Москва, 1935 год, где престарелый экс-чемпион (ему шел 67-й год) занял третье место, не потерпел ни одного поражения и лишь на пол-очка отстал от победителей...

Поразительно, что при такой длительной и блестящей шахматной карьере Ласкер в общей сложности играл мало. Когда в конце 50-х годов решили выпустить сборник всех его партий, то их набралось лишь 555. В это число вошли и те опубликованные партии, которые он сыграл в сеансах одновременной игры (и, конечно, проигранные Ласкером – другие партии из сеансов обычно не публикуются...).

То, что Ласкер играл мало, но успешно, – факт примечательный. Он, несомненно, свидетельствует о том, что Ласкер был не только практиком, но и исследователем шахмат. Когда он не играл, он думал (не все большие мастера на это способны), готовился к соревнованиям и добивался успеха. Пожалуй, именно Ласкер был первым среди больших мастеров, кто понял значение подготовки к соревнованиям; до него, конечно, шахматы изучали, но вообще, а конкретно (непосредственно к данному турниру) готовиться еще не умели. К теории начал Ласкер относиться равнодушно, он не придавал ей большого значения так же, как и Капабланка. Он, правда, автор так называемой защиты Ласкера в ферзевом гамбите и в гамбите Эванса – способов упрощения игры за черных, но обычно он играл дебют по «здоровому смыслу». Тогда теория начал не была разработана, как в наши дни, ее не связывали с планами игры в миттельшпиле, и поэтому такое отношение к теории дебютов было в какой-то мере оправдано с точки зрения практики.

Подготовке Ласкера к соревнованиям содействовала его шахматная универсальность. Он не имел «вкуса», не имел «стиля», он все делал одинаково хорошо – в защите и атаке, в спокойных позициях и бурных осложнениях, в миттельшпиле и эндшпиле. Поэтому главной целью его подготовки было изучение особенностей стиля партнера. Ласкер всегда старался создать на шахматной доске такую ситуацию, в которой партнер чувствовал бы себя неуверенно. Может быть, именно поэтому Ласкеру трудно пришлось в матче со Шлехтером, творчество которого было в какой-то мере безликим, и Ласкеру не к чему было «прицепиться».

Я знал почти все партии Ласкера начиная с 1921 года. В 1936 году, готовясь к III Московскому международному турниру, решил проверить: а как же играл Ласкер в лучшие свои молодые годы? Взял у С.О. Вайнштейна (библиотека у него была отличной) сборник 75 партий Ласкера (на немецком) и засел за работу.

Удивлению границ не было... Ранее я, конечно, видел отдельные партии молодого Ласкера, полные сложной, интересной борьбы, но это были специально подобранные партии. Для сборника же, содержащего большое количество партий, возможностей для отбора, естественно, меньше. Как правило, Ласкер выигрывал по стандартной схеме: упрощения, переход в эндшпиль, использование технических промахов противника! Так играл молодой Ласкер!

Да это и понятно: его партнеры уступали ему в понимании шахмат, и при универсальности стиля Ласкера это был наиболее простой путь к победе.

Ласкер всегда оценивал позицию с практической точки зрения. Даже если объективно позиция плоха, но практически (при ограниченности способностей человека) защитима, Ласкер оценивал ее как равную. В 1935 году во время II Московского международного турнира мне неоднократно приходилось с ним анализировать, и такой практический подход к шахматам был для меня открытием.

Но готовился к соревнованиям Ласкер с большой тщательностью. Заранее приезжал на турнир, чтобы акклиматизироваться. Большое внимание обращал на питание, условия игры и отдыха. Он в совершенстве знал своих партнеров, их достоинства и слабости. Ласкер был великим психологом, он знал, когда следует уклониться от матча (партнер в хорошей спортивной форме), а когда, наоборот, надо стремиться к борьбе! Так, несомненно, он действовал и с Таррашем, и с Рубинштейном, и с Капабланкой... Но разве можно это осуждать? Правил проведения соревнований на первенство мира тогда не было и каждый мог действовать по своему усмотрению. В этом отношении Ласкер отличался от Стейница (тот от соревнований не отказывался) но Капа и Алехин следовали примеру Ласкера...

Чтобы понять Ласкера как человека, надо представить себе то общественное положение, которое занимали шахматы (и шахматисты) во времена Ласкера. Профессия шахматиста всерьез не воспринималась. Если профессия музыканта была делом почетным, то увлечение шахматами встречало в обывательских кругах отношение ироническое, примерно такое же, как «профессия» картежника... Естественно, что Ласкер, хотя сам отлично понимал и высоко ценил шахматы, стремился получить какую-то другую, более «уважаемую» профессию и проявить себя в ней. Поэтому он становится математиком, философом, публикует книги, не связанные с шахматной игрой, не пренебрегает и коммерцией. Уместно напомнить, что и Капабланка придерживался этих же норм поведения – он и дипломат, и коммерсант (приезжая в Москву, Капа уговаривал Н. Крыленко посодействовать в продаже кубинского сахара), и просто светский человек. В отличие от своих предшественников аристократ Алехин открыто стал настоящим профессионалом и не стыдился этого!

Ласкер иногда скрывал свою любовь к шахматам. Свидетельство тому – предисловие Альберта Эйнштейна к биографии Ласкера, составленной Й. Ханнаком. Когда Ласкер в 1937 году переехал в Нью-Йорк, он встречался с великим физиком, и, естественно, два эмигранта из нацистской Германии увлеченно обсуждали самые различные проблемы. Великий шахматист, конечно, лучше разбирался в человеческой психологии, нежели великий физик; к тому же Ласкер был на одиннадцать лет старше – он и внушил своему собеседнику, что он, Ласкер, многолетний чемпион мира, не любит шахматы! Вот что писал об этом Эйнштейн:^[2] «Эмануил Ласкер был, без сомнения, одним из самых интересных людей, с которыми я общался в зрелые годы моей жизни... мало было тех, кто соединял своеобразную независимость личности с подлинным интересом ко всем большим проблемам человечества. Я не шахматист и поэтому не в состоянии восхищаться его духовной мощью в той сфере, где лежат его величайшие интеллектуальные достижения, а именно в области шахматной игры...

...Мы сблизились во время совместных прогулок, обмениваясь мнениями по различным вопросам. Это был несколько односторонний обмен, в ходе которого я больше получал, чем отдавал, так как Ласкер был по природе своей одним из тех энергичных людей, для которых естественнее утверждать свои собственные мысли, чем прислушиваться к чужим.

Меня в этой личности, вопреки лежащей в ее основе жизнеутверждающей силе, поражала какая-то трагическая нота. Неслыханное умственное напряжение, без которого не может обойтись ни один шахматист, так переплеталось с игрой в шахматы, что он никогда не мог избавиться от духа этой игры, даже когда занимался философскими и общечеловеческими проблемами. При этом мне казалось что шахматы были больше его профессиональным трудом, чем собственно целью его жизни. Его истинное стремление, казалось, было направлено на научное познание и на ту красоту, которая присуща творениям логики, красоту, из волшебного круга которой никто не в силах выбраться, кто однажды в этот круг вступил. У Спинозы материальное существование и независимость были основаны на шпифовке увеличительных стекол; тем же были и шахматы в жизни Ласкера...»

Несомненно, Ласкер кривил душой. Перед лицом величайшего физика нашего столетия он не осмелился поднять шахматы на должную высоту. Но когда Ласкер освобождался от общепринятой негативной оценки шахмат, то проявлял свои подлинные чувства и горячо защищал право быть шахматным профессионалом (см. предыдущую статью о Ласкере).

И это был подлинный Ласкер (без какой-либо рисовки!), преданный шахматам, готовый за них постоять.

Ласкер не только высказался в пользу профессионализма, но и указал пути материального обеспечения мастеров-профессионалов. Прежде всего он высказался за создание ФИДЕ: «...Молодые маэстро... добьются объединения шахматного мира в деятельную организацию». Далее он настаивал на введении авторского права на текст шахматной партии. Он считал, что именно так можно обеспечить материальную базу профессионализма.

Прошло несколько десятилетий. И теперь ФИДЕ обсуждает этот вопрос. Президент Ф. Олафссон запросил мнение нескольких специалистов (читатель, конечно, догадывается, что мой ответ был положительным). Образована комиссия во главе с Л. Принсом (Нидерланды), которая должна представить доклад Генеральной ассамблее...

В жизни пожилой Ласкер (молодым я его не мог знать) был милым, мудрым и доброжелательным человеком. Он не находился во власти предрассудков, был первым большим шахматным мастером который приехал в Советскую Россию после Октябрьской революции. И впоследствии Ласкер неизменно принимал приглашения на участие в соревнованиях в Советском Союзе.

Возможно, что портрет великого шахматиста, данный в этом предисловии, на первый взгляд покажется необычным. Но пусть читатель сначала прочтет книгу, а затем уже составит окончательное суждение.

Теперь же, когда мы с вами, уважаемый читатель, познакомились с великим шахматистом и мыслителем, перейдем к оценке его «Учебника шахматной игры».

Ласкер, видимо, не считал, что он должен дать читателю нечто особо глубокое и законченное. В этом отношении характерны его примечания в сборнике партий международного турнира в Петербурге (1909) – они слишком лаконичны. И это соответствует подходу Ласкера к шахматам – раз шахматная игра неисчерпаема, а ресурсы партнеров ограничены, то к чему глубина анализа? Другое дело глубина мышления за доской – иначе не победишь!

Учебник содержит начальные сведения о шахматной игре, некоторые примеры, которые должны дать читателю представление о тонкостях шахмат, и объемистые сведения по теории начал (с пояснительными партиями).

Глава о комбинации включает множество примеров, относящихся ко всем стадиям шахматной партии. На мой взгляд, представление Ласкера о комбинации несколько старомодно, но коллекция примеров превосходна.

В главе о позиционной игре производит сильное впечатление как исторический обзор, так и собрание примеров позиционной игры. Эта глава – украшение учебника. В наши дни шахматисты мало знают о прошлом шахмат, о том, как формировалось учение о позиции. Ласкер был живым свидетелем развития первого этапа шахматной теории (ведь он выиграл матч у самого Стейница), и здесь сведения об этом периоде развития шахмат читатель получает из первоисточника.

Глава об эстетике шахмат, сама по себе весьма интересная, вряд ли имеет самостоятельное значение. Ее содержание могло бы быть разделено между главой о комбинации и главой о позиционной игре. Заканчивается учебник примерными партиями.

Отметим отсутствие специальной главы об эндшпиле. Сведения о нем рассеяны по книге.

Следует, однако, помнить, что книга написана великим шахматным бойцом и мыслителем. Итак, чтение этой книги, отображающей выдающуюся шахматную индивидуальность, полезно для каждого серьезно изучающего шахматы и интересующегося их прошлым. Издательство «Физкультура и спорт», издав этот учебник сделало шахматистам хороший подарок.